

29 ИЮН 1966

РАССКАЗ СТАРОГО ДОРБОЗА

Осенью нынешнего года общественность республики, артисты цирка отметят 100-летие со дня рождения народного артиста Российской Федерации и Узбекской ССР Ташкенбаята Игамбердыева (1866—1963). Предлагаем вашему вниманию очерк журналиста и искусствоведа Тулкуна Абидова о выдающемся мастере цирка.

Если сказать, что Ташкенбай Игамбердыев восемьдесят пять лет своей жизни провел на манеже, а, вернее, над манежем цирка, то недоверчивый читатель может улыбнуться: «Не может быть?».

Но это действительно так. Восемьдесят пять лет на манеже... Без малого целый век! Да, поистине завидное долголетие в искусстве.

И поэтому, когда в марте 1958 года в Андижане, на родине старейшего канатоходца, отмечалось 85-летие творческой деятельности Ташкенбая Игамбердыева, то не только коллеги по искусству, но и многочисленные его поклонники по всему Советскому Союзу всем сердцем были там, на юбилее.

Москва и Ленинград, Баку и Магнитогорск, Хабаровск и Владивосток, Фрунзе и Душанбе — из десятков городов телеграф доставлял теплые, искренние слова поздравлений и пожеланий.

Но особенно приятным для Ташкенбая-ата было то, когда один из земляков вышел на манеж и объявил, что колхозники сельхозартели им. Энгельса Ленинского района Андижанской области избрали Ташкенбая-ата Игамбердыева своим почетным членом. Под бурные аплодисменты тысячи восторженных зрителей ему был вручен стэнд с дарственной надписью.

О Ташкенбае-ата мне довелось слышать много: о нем ходили легенды, о нем с уважением отзывались люди. И где бы мне не приходилось бывать: в Андижане или Фергане, Коканде или Маргилане, Саратове или Куйбышеве, — всюду о его выступлениях говорили с большой теплотой. Старик, обычно, вспоминали истории тридцати-сорокалетней давности, а молодежь отзывалась с восхищением, удивляясь столь опасным и головокружительным трюкам, которые исполнял старый канатоходец.

И вот мне захотелось рассказать тем, кто видел выступления знаменитого канатоходца или слышал о нем, большую правду, хотелось рассказать просто, без прикрас, чтобы зрители с еще большим уважением отнеслись к трудной профессии канатоходца и циркового артиста вообще.

В один из майских дней пятьдесят восьмого года, когда я вошел в небольшой дворик (что находится в Ташкенте, ныне по улице им. Ташкенбаева), то увидел на большой деревянной кровати худощавого высокого старика в темно-зеленом халате из бекасаба, накинутом на плечи. Из-под него виднелась белая рубашка — яхтак. Гордо посаженную голову венчала андижанская черная тюбетейка с белым тонким узором. Подошла одна из невесток, и когда узнала о цели посещения, то участливо пригласила пройти. Старик, пристально глядевший на меня серыми глазами из-под редких седых ресниц, надел кавуши и пошел навстречу.

Когда я поделился своими мыслями, планами, он заметил оживился. Затем задумался и долго смотрел куда-то вдаль, словно забыв о своем госте.

— Расскажу вам про свою жизнь, про тех, с кем мы выступали раньше, и про то как узбекских дорбозов узнал весь Советский Союз.

И он начал рассказ, который охватывал свыше ста лет, рассказ, где перед моими глазами прошла большая жизнь дорбоза.

XXX

... Отца моего звали Игамберды, но в народе в то время он был известен под именем Хаджи-дорбоз. Его отец, т. е. мой дед, говорят, тоже был дорбозом, но я его не помню, потому что он умер, когда меня еще не было на свете, — рассказывал Ташкенбай-ата. — Жили мы в Ассаке, где я родился 1866 году. Наш кишлак был известен на весь Туркестан и даже за его пределами, потому что считался родиной дорбозов.

Я всегда с большим удовольствием смотрел, как мой отец работал на канате высоко-высоко, под самым небом. Когда мне исполнилось пять или шесть лет, он на полметра-метр от земли натянул проволоку — сим — и заставлял, взобравшись на нее, сначала стоять, потом сделать один-два шага, сесть на нее и болтать ногами. Хорошо было смотреть, как он выступает на проволоке или высоко на канате, но самому делать то, что требовал отец, было страшно. Постепенно, тренируясь каждый свободный день, когда таковой выпадал у отца, я стал привыкать к высоте, к равновесию.

Однажды отец посадил меня на плечи и прошелся один-два раза по канату. Сейчас смешно вспомнить, но тогда отец, спустившись и поставив меня на землю и глядя на мое бледное лицо и жалкий вид, поглаживая меня по бритой голове и сказал: «Ничего, привыкнешь, со мной в первый раз было еще хуже...».

До сих пор помню наставления отца, который говорил: «Зритель не должен знать о трудностях нашей работы. Что бы ни случилось — улыбайся». Это правило стало основой всей моей дальнейшей работы.

То, что я пошел по пути отца, не случайно. В старину бывал обычай, что дорбозом может стать только сын или внук дорбоза. Это верно, ибо редко кто из родителей отдавал нам в руки своих детей — уж очень опасная профессия.

Зритель очень любил выступления маленьких артистов. Они давали большие сборы. Но несчастные случаи были нередкими спутниками нашей профессии. Помню, когда был совсем еще юным, в Маргилане выступал один дорбоз со своим сыном. Мальчик был стройный, чернобрый, легкий и красиво выполнял сложные движения на канате. Однажды он не рассчитал движения и упал с большой высоты на землю и разбился. Оказалось — это девочка. Не было у старого дорбоза сына, поэтому он обучил своему ремеслу дочку, одев ее как мальчика...

Тогда же не было такой техники безопасности, как в советском цирке. И теперь не кажется в диковинку, если в цирке выступают узбекские канатоходцы. Одной из первых была моя невестка, заслуженная артистка Узбекистана Марьямхон Фахридинова. Неплохо выступает моя ученица Замира Мадалиева. А сейчас показывают свое мастерство на канате внучки Доно и Мамлякат Ташкенбаевы.

Когда свершилась Октябрьская революция, мне было уже за пятьдесят. Полвека оставлено там, в

НА СНИМКЕ: канатоходцы Абиджан, Эркин, Дона и Мамлякат Ташкенбаевы.

нищенской жизни. Мы, артисты, как-то сразу же с радостью восприняли революцию, потому что всегда были с народом.

Нас захватил тот энтузиазм, который все более и более охватывал широкие массы. Хотелось работать больше и лучше. Наша труппа, как и другие дорбозы, выступала в городах и селах на революционных праздниках.

Участие на фронте гражданской войны, борьба с басмачеством, борьба за раскрепощение женщин и, наконец, проведение земельно-водной реформы — во всем пришлось участвовать. Многие из артистов в то время вступили в ряды Красной Армии или боролись в рядах народных ополченцев. Бурные, горячие были годы. В 1924 году мой старший сын Кадырджан ушел добровольцем в Красную Армию. Об этом узнали басмачи и решили отомстить. Распространились с ним в Ходженте (Ленинабад), закончив гастроли, я возвращался домой, в родной кишлак. По пути встретились басмачи, которые хорошо знали меня в лицо. Они тут же забрали лошадь, сняли халат, сапоги, связали руки, а курбаша приказал на рассвете расстрелять. Однако часов в семь вечера послышались выстрелы, и басмачи, бросив меня, выжили, потому что народные мстители уже настигли их.

В 1935 году нас пригласили в Москву, а через три месяца в Ленинградском цирке мы подготови-

ли номер «Узбекские канатоходцы». И с тех пор нашу семью, искусство узбекского каната узнала вся страна.

В 1942 году, суровом и тяжелом, по рекомендации бывшего тогда первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана Усмана Юсупова мне и Кариму Зарипову довелось создавать узбекский пирковой коллектив. А осенью 1943 года коллектив уже выехал для обслуживания строителей Фархадской ГЭС.

Летом 1944 года наш узбекский коллектив в составе семидесяти пяти человек приехал в Москву. Мы показали программу из трех отделений. Наше выступление вылилось в демонстрацию братской дружбы народов нашей страны и имело большой успех.

До 1949 года я был художественным руководителем Ташкентского государственного цирка, а в 90 лет ушел на пенсию.

Всю свою жизнь трудился я для народа, и народ высоко оценил мой труд: присвоил почетное звание, наградил орденами Ленина, «Знак Почета», медалями, многочисленными грамотами.

— Вот, сынок, такова история жизни старого дорбоза, — закончил свой рассказ Ташкенбай-ата Игамбердыев, народный артист РСФСР и Узбекской ССР, Герой труда, учитель многих видных ныне мастеров советской пирковой арены.

Тулкун АБИДОВ.